

Смерть ей к лицу. И по работе

Натану Касс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Натали Касс

Смерть ей к лицу. И по работе

«Автор»

2026

Касс Н.

Смерть ей к лицу. И по работе / Н. Касс — «Автор», 2026

Быть судмедэкспертом — тяжелая работа. Быть судмедэкспертом, который видит неупокоенные души прямо на своем секционном столе, — это уже диагноз. Но Василиса не жалуется (по крайней мере, пока не закончится кофе). Днем она — циничный врач с разноцветными глазами, вскрывающая тела под русский рок санитаря дяди Миши. А вечером — таинственная «Мадам Элеонора», которая в полумраке оккультного салона вызывает духов для богатеньких клиентов, старательно пряча лицо под вуалью. В этой истории никто не будет спасать мир от надвигающегося Апокалипсиса. Здесь нет огнешаров, эпических погонь и Избранных. Зато есть петербургская морось, черный медицинский юмор, призракный следователь из позапрошлого века в качестве соседа и обаятельный ювелир-проклятийник, ждущий дома с горячим чаем. Уютное городское фэнтези о том, что смерть — это не конец, а всего лишь начало бумажной волокиты. А главная героиня здесь иногда даже адекватна. Главное — не будить ее до звонка будильника.

© Касс Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Натали Касс

Смерть ей к лицу. И по работе

Глава 1

Утро судмедэксперта редко начинается с пения птиц. Мое началось с того, что я едва не вывихнула запястье, пытаясь прихлопнуть надрывающийся будильник на телефоне.

Откинув одеяло, я свесила ноги с кровати и потерла лицо руками. Хотелось спать, кофе и чтобы люди перестали убивать друг друга хотя бы по вторникам, но городские новости моих желаний не учитывали.

В ванной прохладный кафель под босыми ногами немного привел в чувство. Я нащупала расческу и попыталась продрать то, что за ночь образовалось на затылке. Мой природный светлый волос, выющийся мелким бесом, снова свалился в глухой войлок. Пластиковые зубья с омерзительным хрустом застряли где-то над правым ухом.

— Да чтоб тебя, — прошипела я.

Либо стричься налысо, либо ходить как одуванчик под кайфом. Я с раздражением выдрала щетку вместе с клоком волос и кое-как стянула этот хаос резинкой на макушке. В морге под хирургической шапочкой всё равно никто не оценит, а покойникам моя укладка тем более до лампочки.

Умывшись ледяной водой — спасибо коммунальщикам за очередную аварию на тепло-трассе, — я пошла одеваться. Натянула плотные черные джинсы и любимую кашемировую водолазку. В питерской весне в ней самое то, а на работе всё равно переодеваться в глухую х/б броню. Если сунуться в кашемире в секционную, въедливый запах формалина и прочего потом не выведет ни одна химчистка, даже с заговором.

Из шкатулки я вытащила серебряную лунницу. Холодный металл скользнул по ключицам и тут же ощутимо нагрелся, приветствуя хозяйку. Мелкие бесы и левые призраки сегодня могут идти лесом, защита активна.

На кухне приятно грел пятки теплый пол, а возле кофемашины суеился Филя. Мой домовый, как обычно, щеголял в крошечных белых найках, купленных в «Детском мире», и деловито протирал столешницу.

— Доброе утречко, хозяйюшка! — пискнул он и гордо похлопал по матовому боку кофемашины. — Извольте созерцать! Я ей алгоритмы через умный дом переписал. Теперь она давление помпы под твой любимый сорт зерен сама регулирует, ровно к моменту твоего выхода из ванной.

Машина утробно заурчала и выдала в подставленную кружку идеальный капучино с густой пенкой.

— Филя, цены тебе нет, — выдохнула я, забирая кружку. Первый глоток сработал как дефибриллятор для нервной системы.

Я плюхнулась на стул и открыла в телефоне любимый телеграм-канал с городскими происшествиями. Разборки у баров, кражи самокатов, пьяные ДТП... Скука. Пролистываем. Меня интересовали только жмурики, к которым мне через час ехать. О, а вот и потенциальные клиенты на Обводный: подписчики в комментариях уже накидали фоток с мигалками у парадной.

В соседнее кресло опустился Геннадий, принеся с собой легкий запах старой пыльной бумаги и сургуча. Его темный сюртук был застегнут на все пуговицы, осанка прямая, как шомпол, а бакенбарды тщательно расчесаны. Я искоса глянула на него, делая очередной глоток кофе.

Для человека, чья собственная смерть была до смешного нелепой *выпал из экипажа, пытаясь изящно раскланяться с дамой*, Гена мнил себя криминалистом невероятного масштаба.

— Добрейшего вам утречка, Василиса Михайловна, — произнес он бархатным, чуть грассирующим баритоном, бесцеремонно заглядывая мне через плечо. — Снова изучаете сии пошлые хроники?

— Привет, Гена. Ищу, кого нам сегодня привезут, — я ткнула пальцем в экран, не отрываясь от кофе. — «Бытовуха на проспекте Ветеранов. Сорок два ножевых ранения кухонным тесаком для мяса. Сосед по коммуналке задержан». Красота. Работы на полдня, пока каждый раневой канал опишешь.

Геннадий брезгливо поморщился, поправляя несуществующий монокль.

— Помилуйте, сударыня, что за вульгарность! Сорок два удара тесаком! Какая невообразимая пошлость и полное отсутствие полета мысли. В мое время злодеи имели такт! Ежели изволили избавляться от неприятеля, так непременно редким ядом в бокале хереса. Или пулей на дуэли из-за чести дамы! А сие... — он презрительно фыркнул. — Плебейская грязь захмелевших простолюдинов. Измельчал нынче душегуб, ох измельчал. Мне, право слово, премного жаль, что вашему блестящему уму приходится ковыряться в столь низменных последствиях.

— Моему уму за эти ковыряния зарплату платят, Гена, — хмыкнула я. — А яд в хересе хрен найдешь без развернутой токсикологии, и потом следователь мозг чайной ложечкой выест. Так что тесак меня вполне устраивает. Там всё наглядно.

Оставив Геннадия сокрушаться о падении нравов криминального мира, я отправилась в коридор шнуровать свои массивные ботинки. Трупы сами себя не вскроют. Обычный вторник набирал обороты.

Допив капучино, я ополоснула кружку и сунула её в посудомойку. Филя тут же радостно пискнул, подскочил к сенсорной панели на стене и деловито запустил эко-режим.

Кто бы мог подумать, что древний дух, веками привыкший к березовым веникам и пыльным углам, окажется латентным техногиком. Стоило мне после смерти прабабки сделать тут капитальный ремонт и воткнуть систему «умный дом», как домового подменили. Теперь он писал макросы для климат-контроля и чувствовал себя властелином Кремниевой долины в масштабах отдельно взятой Петроградки.

Я пошла по длинному коридору, на ходу стягивая с волос резинку и переделывая растрепавшийся пучок на более тугой. Пять комнат в старом фонде — звучит как мечта, но на деле для одной меня это прорва квадратных метров. Огромная гостиная, переходящая в просторную кухню, моя спальня, гостевая, пустующий светлый кабинет... Вся эта роскошь досталась мне от прабабки Марфы, к которой меня сослали в двенадцать лет. Именно тогда мой дар медиума решил, что пора просыпаться.

Мой отец, обычный архитектор, честно пытался воспитывать меня сам после того, как мама — сильная ведьма — умерла в родах. Банальная акушерская патология, перед которой любая магия бессильна. Папа любил меня, но когда в нашей квартире от подростковых истерик начали летать его чертежи и искрить розетки, он сдался и отвез меня к бабке.

При жизни Марфы эти комнаты напоминали филиал краеведческого музея: темно-бордовые обои, громоздкая дубовая мебель, тяжелые портьеры, вечный запах воска и сушеной пижмы. Едва став полноправной хозяйкой пять лет назад, я безжалостно выдрала все это великолепие с корнем. Впустила свет, закатала стены в белую краску и купила мебель из металла и стекла.

Скучала ли я по бабке? Ни капли. Эта вредная старая карга, в отличие от Гены, умудрилась благополучно отчалить за Грань, но решила, что смерть — совершенно не повод оставлять нерадивую правнучку в покое. Она регулярно просачивалась в мои сны, усаживалась на край

кровати, стучала призрачной клюкой по полу и пропесочивала за каждый косяк. То защиту на окна криво поставила, то зелье не по лунному календарю варю.

Я остановилась у пятой двери. Самой дальней. Из тяжелого мореного дуба с врезным замком. Единственная комната, которую ремонт не тронул. Там остался алтарь Макоши и пудовые гримуары. Я заходила туда только по необходимости, предпочитая жить в XXI веке, а не в Средневековье.

В прихожей я стянула с вешалки любимую косуху. Кожа привычно и тяжело скрипнула, когда я влезла в рукава. Присела на пуфик, чтобы как следует зашнуровать свои массивные рабочие ботинки.

— Я ушла, Филя! — крикнула я, затягивая шнурок. — Робота-пылесоса не мучай!

— Скажете тоже, хозяйюшка! — донесся с кухни возмущенный голос. — Я ему карту уборки оптимизирую! Легкой смены!

Геннадий уже ждал у входной двери. Призрак стоял ровно, заложив руки за спину, всем своим видом выражая готовность нести свет просвещения в мрачные залы петербургских моргов.

— Ну что, Василиса Михайловна, — глубокомысленно изрек он, когда я выпрямилась и сунула ключи в карман куртки. — Пойдемте взглянем на вашу поножовщину. Надеюсь, лезвие тесака хотя бы не заржавело, иначе я окончательно разочаруюсь в современниках.

— Идем, критик, — усмехнулась я, нажимая на ручку двери.

Питер за порогом парадной дышал сыростью и выхлопными газами. Обычное утро. Идеальная погода для вскрытия.

Здание морга на Обводном встретило меня привычным угрюмым фасадом из красного кирпича и тяжелой металлической дверью. Стоило переступить порог, как на меня обрушился родной, ни с чем не сравнимый букет ароматов: хлорка, озон от бактерицидных ламп и едва уловимая, сладковатая нотка формалина. Для нормального человека — тошнотворно, для меня — запах стабильности.

Я кивнула Галине — наша лаборантка, как всегда, сидела за своей стеклянной перегородкой, яростно стуча по клавишам и заполняя бесконечные справки. В коридоре было на удивление тихо, только откуда-то из глубины секционной приглушенно доносились хиты «Ретро FM».

Первым делом я направилась в раздевалку. Стянула косуху, переоделась в свободный хирургический костюм темно-синего цвета, а непослушные светлые кудри намертво спрятала под одноразовую шапочку. Лунница на груди привычно грела кожу под хлопковой тканью.

Выйдя в коридор, я подошла к маркерной доске, где Галина выписывала расписание на смену. Утро выдалось откровенно ленивым. Всего пара жмуриков на очереди — дедушка с инфарктом и какой-то несчастный случай на стройке. А вот напротив вчерашнего «героя» с сорока двумя ножевыми от кухонного тесака красовалась фамилия Ильи Петровича.

Я не сдержала мстительной и абсолютно искренней улыбки. Слава богу! Описывать сорок два раневых канала, измерять их глубину, ширину и углы погружения лезвия — это адская, нудная работа на полдня. Илья Петрович, наш судмедэксперт старой закалки, будет ковыряться с ним до самого обеда под песни Юры Шатунова.

— Выглядите так, словно выиграли в лотерею, Василиса Михайловна, — раздался укоризненный баритон Геннадия. Призрак материализовался у доски, скрестив руки на груди. — А я-то надеялся оценить, как вы будете распутывать сие варварское преступление.

— Пусть Петрович распутывает, ему до пенсии спешить некуда, — шепнула я, направляясь к ординаторской.

В дверях я едва не столкнулась с Толиком. Наш молодой санитар, вечный студент-медик, катил каталку с накрытым телом, ритмично жуя жвачку. В ушах у него торчали белые наушники, из-за чего он был абсолютно оторван от реальности. На каталке поверх простыни сидел

полупрозрачный, растерянный мужичок в строительной каске и грустно смотрел на свои ноги. Я сделала вид, что ничего не замечаю.

— Толик! Бирки проверь, мать твою! — рявкнул из глубины коридора дядя Миша. Наш старший санитар, суровый мужик под шестьдесят с армейской выправкой, нес в руках стопку чистых простыней. — Опять перепутаешь, я тебя самого на секционный стол положу!

Толик испуганно дернулся, вытащил один наушник и полез сверять номерок на ноге покойного с картой.

Я хмыкнула и зашла в ординаторскую. На диване, свернувшись в клубок и обхватив обеими руками кружку со сладким чаем, сидела наша новенькая ординатор. Светик была бледна, как свежевывмытый кафель, и смотрела в стену невидящим взглядом. Рядом с ней на диване пристроился призрак сухонького дедушки в пижаме, который с интересом заглядывал ей в кружку.

— Что, Светлана, первый раз мясную лавку увидела? — сочувственно, но с легкой иронией спросила я, открывая свой шкафчик, чтобы достать чистые перчатки и фартук.

— Т-там... — она сглотнула, не отрывая взгляда от стены. — Илья Петрович вскрывать начал. Человека, с ножевыми. Там столько крови... и это месиво. Так... неэстетично.

— Эстетика, милая моя, осталась в девятнадцатом веке, — я покосилась на Геннадия, который согласно и очень важно кивнул. — А у нас тут проза жизни. Допивай чай, надевай двойные перчатки и пошли к нашему дедушке с инфарктом. Буду учить тебя работать реберными ножницами так, чтобы не отчекрыжить себе пальцы, когда хрящи хрустят.

Я методично диктовала параметры. Светик послушно строчила в планшет, стараясь дышать через рот и не смотреть на то, что находилось под яркими лампами секционного стола.

А я тем временем краем глаза наблюдала за полупрозрачным старичком в застиранной майке и трениках с вытянутыми коленками. Призрак нашего «клиента» сидел прямо на металлической раковине в углу и мрачно матерился себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. Из-за лунницы он видел во мне лишь обычного патологоанатома, поэтому даже не пытался привлечь внимание.

— Инфаркт, блин... Ага, щас, — глухо ворчал дед, болтая босой ногой. — Участковый пришел, посмотрел одним глазом: «Ну а что вы хотели, восемьдесят два года, сердце не казенное». Тьфу! Да я до аптеки быстрее него ходил!

Терпеть эту фоновую шарманку было неудобно, к тому же дед явно знал о своей смерти больше, чем ленивый участковый.

— Светлана, — я стянула окровавленные перчатки и бросила их в лоток. — Сделай одолжение, сбегай к Галине, заberi бланки на гистологию. И кофе себе заодно возьми, а то ты сейчас в обморок рухнешь.

Светика дважды просить не пришлось. Она пулей вылетела из ординаторской, радуясь возможности глотнуть воздуха без примеси формалина. Как только тяжелая дверь за ней закрылась, я повернулась к раковине, скрестила руки на груди и посмотрела прямо в выцветшие глаза призрака.

— Ну и чего бубним? — спокойно спросила я, сбрасывая невидимую «тонировку» оберега. — Какой здоровый мотор, дед? У тебя сосуды забиты, как трубы в хрущевке.

Старик чуть в раковину не свалился. Эктоплазма пошла рябью, он испуганно вцепился в край кафеля.

— Т-ты... ты меня видишь?! — он ткнул в меня полупрозрачным дрожащим пальцем. — И слышишь?!

— И вижу, и слышу, и вскрываю, — я вздохнула. — У тебя три минуты, пока ординатор не вернулась. Выкладывай, от чего ты помер, иначе так и напишу: «острая сердечная недостаточность».

Дед тут же подобрался. Испуг на его полупрозрачном лице сменился тяжелой, горькой обидой.

— Племянница моя, Риточка, — голос старика дрогнул. — Вчера вечером пришла. Снова дарственную на квартиру требовала подписать. Я сказал, что хрен ей, а не моя двушка, пока я жив. Отворотился к стенке и велел уходить. А она...

Он замолчал, нервно дернув кадыком.

— Подушку взяла? — тихо подсказала я, уже догадываясь, к чему идет этот классический квартирный сюжет.

— На лицо мне положила и навалилась всем весом, — кивнул дед, опустив голову. — Я и дернуться не успел. Старый стал, слабый. Задохнулся. А она, стерва, посидела рядом, скорую вызвала и плакать начала. Мол, зашла проведать, а дедушка уже остыл.

— Понятно, — я процедила сквозь зубы ругательство и снова подошла к секционному столу. — Извини, дед. Придется еще немного покопаться.

Если я просто позвоню следоку и скажу, что мне всё рассказала душа убитого — меня отправят в дурдом. Значит, нужны железные, неопровержимые медицинские доказательства. Для неопытного опера мертвый старик в постели — это всегда «сердце». Но если знать, где искать...

Я взяла пинцет, аккуратно приподняла веки покойного и включила бестеневую лампу на максимум.

— Бинго, — прошептала я.

На слизистой оболочке глаз, под конъюнктивой, виднелись крошечные, едва заметные красные точки. Петехиальные кровоизлияния — лопнувшие капилляры, верный признак удушья.

Затем я взяла лупу и осторожно оттянула верхнюю губу старика. Так и есть. На внутренней стороне губы красовался свежий кровоподтек, а тонкая уздечка была надорвана — когда племянница давила подушкой, она с силой вжала губы старика в его же собственные зубы.

Дверь скрипнула, и в секционную вплыла немного порозовевшая Светик со стопкой бланков.

— Василиса Михайловна, я принесла... — начала она, но осеклась, увидев мое лицо.

— Светлана, стирай инфаркт, — жестко сказала я, стягивая маску на подбородок. — У нас тут сто пятая статья. Убийство.

— Как убийство? — ахнула ординаторша. — Но участковый же написал...

— Участковый — идиот, которому лень работать, — отрезала я. — Пиши: выявлены точечные кровоизлияния под конъюнктиву глаз и надрыв уздечки верхней губы, характерные для механической асфиксии. Насмерть его задавили, Светик. Звони в дежурную часть, пусть срочно берут за жабры родственников, которые его нашли.

Я бросила взгляд в угол. Призрак деда больше не причитал. Он удовлетворенно крикнул, мстительно потер полупрозрачные руки и довольно оскалился.

— Так ей, стерве, — радостно возвестил он. — Будет знать, как на чужой каравай роток разевать! Уважила, доктор. Пойду я, пожалуй. Посмотрю, как за этой змеюкой наряд приедет.

Дед залихватски подмигнул мне и, насвистывая какой-то бодрый советский мотивчик, шагнул прямо в стену, растворившись в белом кафеле.

Остаток смены пролетел в суете. За нашим заключением примчался взмыленный опер из районного. Долго и витиевато матерился — не на участкового, с того взятки гладки, — а на свою загубленную смену и на меня заодно.

— Ну Василиса Михайловна, ну не могла ты глаза закрыть? — ныл он, подписывая бумаги. — Был же нормальный инфаркт! А теперь мне эту племянницу, которая скорую вызывала, дергать, колоть, мотив доказывать... Всю статистику мне портишь своей дотошностью.

Но бумажки забрал как миленький и умчался работать. Потом мы со Светиком быстро описали строителя — там обошлось без сюрпризов и бесед с потусторонним: банальное нарушение техники безопасности и полет с третьего этажа прямо на арматуру.

К трем часам дня я наконец-то стянула одноразовую шапочку и швырнула ее в мусорное ведро. Волосы тут же рассыпались по плечам спутанным гнездом, но мне было плевать. Хотелось на воздух.

В раздевалке меня уже поджидал Геннадий. Призрак висел у моего шкафчика и выглядел так, словно его заставили жевать лимон.

— Это невыносимо, Василиса, — трагично сообщил он, стоило мне переступить порог. — Ваш Илья Петрович не только мясник, обделенный малейшим чувством эстетики, но и музыкальный садист. Три часа слушать вопли этого сироты Шатунова! Я едва не развоплотился от душевных мук! И главное — он даже не обратил внимания, что последние пять ударов тесаком наносил левша, хотя первые были сделаны правой рукой! Какая небрежность!

— Завтра расскажешь, Гена, — отмахнулась я, вдвывая руки в рукава любимой косухи и закидывая рюкзак на плечо. Зацепка про левшу была интересной, но мой рабочий день официально завершился. — Пусть Петрович сам со своими левшами разбирается.

Я вышла на крыльцо морга, толкнув тяжелую дверь, и с наслаждением вдохнула сырой, пахнувший Невой, выхлопными газами и мокрым асфальтом питерский воздух. Никакой хлорки и формалина.

В кармане завибрировал телефон. Филя прислал смс. Да, у моего домового был личный смартфон, и не абы какой — этот прохвост выпросил себе тот самый, с надкусанным яблоком.

«Робот-пылесос намотал носок на щетку, застрял под диваном и жалобно просит спасения», — гласило сообщение.

Я усмехнулась. Застегнула куртку, выудила из кармана электронную сигарету и с удовольствием затянулась густым фруктовым паром. Обычный вторник подходил к концу. И, слава богу, на сегодня жмуриков с меня точно хватит.

Глава 2

До Гороховой улицы я тащила минут сорок — вечерний Петербург традиционно стоял в глухих пробках. Я лениво переключала радиостанции, слушая, как мелкий дождь барабанит по лобовому стеклу моей старенькой, но надежной «Вольво», и наслаждалась тем, что никто вокруг не пытается умереть прямо сейчас. На пассажирском сиденье тихо страдал Геннадий, возмущаясь засильем бездушных железных повозок и низкопробной попсой из динамиков.

Припарковавшись в тесном дворе-колодце, я прошла через арку. Вывеска «Лавка чудес» мягко светилась в сумерках теплым неонам. Это заведение, как и квартира на Петроградке, досталось мне в наследство от прабабки. Для обычных прохожих — стильный эзотерический магазинчик, где туристам впаривают ловцы снов и ароматические свечи за сумасшедшие деньги. Для Иных — точка сбыта настоящих артефактов и редких ингредиентов.

Дверной колокольчик мелодично звякнул. Внутри пахло сушеной полынью, дорогим воском и свежесваренным травяным чаем.

В зале никого не было, кроме Зои. Моя продавщица и по совместительству потомственная ведьма-травница сидела за массивным деревянным прилавком. Ее разноцветные дреды были скручены в небрежный узел на затылке, а на шее болталась связка рун. Зоя сосредоточенно что-то перетирала в каменной ступке, тихо напевая себе под нос.

— Привет, босс, — не отрываясь от занятия, мурлыкнула она. — Как жмурики?

— Лежат. Никуда не торопятся, — я скинула куртку на спинку стула и прошла за прилавком. — Как торговля? Туристы сегодня покупали «заряженные на богатство» камни с Али-экспресса?

— А как же, — Зоя улыбнулась, отложив пестик. — Три розовых кварца ушли москвичкам как магниты для любви. А вот из наших заходил только упырь с Лиговки. Взял настойку кровохлебки, жаловался на несварение от магазинной свинины. Я ему чай заварила... Будешь? Ромашка с чабрецом, нервы успокаивает.

— Давай. Только без твоих этих мавочьих добавок для астральных путешествий, мне еще домой ехать, — попросила я, опускаясь на стул.

Геннадий плавно выплыл из-за стеллажа с книгами по таро, безгласно покосился на пучок сушеной жабы под потолком и тяжело вздохнул. Рабочий день судмедэксперта закончился, начинались будни питерской ведьмы.

— Допивай чаек, босс, — Зоя посмотрела на настенные часы, стилизованные под кельтский компас. — У тебя через пятнадцать минут VIP-клиентка.

Я со вздохом допила ромашку и поплелась в заднюю комнату, которую мы гордо именовали «Залом Контакта». Здесь царил полумрак, пахло сандалом, а мебель состояла из круглого стола, застеленного бархатом, и пары тяжелых кресел. Бабкино наследство в чистом виде, но клиентам нравилось.

Первым делом я открыла шкаф и начала облачаться в рабочую униформу. Никакой кашемировой водолазки и джинсов. Я натянула длинный, глухой черный балахон, а на голову водрузила пепельный парик с густой челкой, поверх которого накинула капюшон с полупрозрачной вуалью.

Конспирация была вопросом выживания. Петербург — город маленький, а Питер криминальный — еще меньше. Не хватало только, чтобы родственник жмурика, которому я утром выдавала справку о смерти в морге, вечером пришел ко мне на сеанс и узнал в таинственном медиуме Василису Михайловну.

Правила загробного мира работали четко: после смерти душа тусуется рядом с телом или местом гибели ровно три дня. Потом — чемодан, вокзал, и уход за Грань. Застревают в нашем

мире только те, кого убили, а обидчика не наказали — таких бедолаг я регулярно видела на работе. Или те, у кого остались какие-либо долги.

Но в Лавку чудес приходили не за ними. Клиентам нужно было поболтать с мужьями, почившими полгода назад, или бабушками, не успевшими переписать завещание. И чтобы достать их оттуда, мне приходилось погружаться в транс, приоткрывать Грань и выуживать нужную душу «со дна». Работа энергозатратная, но и тариф у меня был соответствующий, коммуналка нынче дорогая.

В дверь Зала Контакта деликатно постучали.

— Входите, — произнесла я глубоким, специально поставленным грудным голосом.

На пороге появилась дама. Вся в соболях, несмотря на плюсовую температуру на улице, с идеальной укладкой и лицом, перетянутым филлерами до состояния легкого удивления. От нее разлило духами «Баккара» так, что у меня заслезились глаза.

Гена, вплывший в комнату следом за ней, брезгливо зажал нос платком и демонстративно отодвинулся в угол.

— Мадам Элеонора? — трепетно спросила клиентка, присаживаясь в кресло напротив. — Мне вас порекомендовали... Мой муж, Борис Эдуардович, скоропостижно скончался месяц назад. Инфаркт.

— Я чувствую вашу боль, — загробным тоном отозвалась я, плавно раскладывая на столе карты Таро исключительно для визуального эффекта. — Что вы хотите передать ушедшему?

— Понимаете... Боренька ушел так внезапно, — дама картинно промокнула сухой глаз платочком. — А у него остался криптокошелек и сейф в загородном доме. Он не успел сказать мне пароли! Вы можете спросить у него? Я заплачу двойной тариф!

Я кивнула, зажгла черную свечу по центру стола и прикрыла глаза. Глубокий вдох. Выдох. Я потянулась сознанием туда, где было холодно, пусто и тихо. Грань поддавалась неохотно, словно тугая резина. Я нащупала энергетический след, привязанный к дамочке, и с силой дернула на себя.

Воздух в комнате резко остыл. Пламя свечи дернулось и посинело.

— Борис Эдуардович, — замогильным голосом произнесла я, открывая глаза. — Он здесь.

Над столом, прямо между мной и вдовой, повис полупрозрачный, тучный лысоватый мужик. Судя по всему, инфаркт настиг его в бане — из одежды на Борисе было только сползающее полотенце. Мужик ошалело заморгал, огляделся, увидел свою жену, потом перевел взгляд на меня.

Я коротко кивнула ему: да, я тебя вижу.

— О, дух усопшего, — заунывно, растягивая гласные, заговорила я для клиентки. — Твоя скорбящая вдова пришла просить о последней милости. Она ищет ключи от земного... Пароль от твоего криптокошелька и код от сейфа в загородном доме.

Борис Эдуардович, до которого наконец дошел смысл происходящего, побагровел (насколько это возможно для эктоплазмы).

— Ах вот оно что! За деньгами пришла?! — рявкнул дух так, что пламя свечи снова заметалось. — Да пошла она в задницу, эта пиявка силиконовая! Я пока в больнице под капельницей лежал, она мою коллекцию финских спиннингов на помойку выкинула! Скажи ей, что пароль от крипты я забыл, мыши съели!

Геннадий в углу неодобрительно покачал головой, осуждая манеры усопшего. Я же сохранила каменное выражение лица, хотя под вуалью отчаянно хотелось заржать.

— Дух говорит со мной, — медленно, нараспев произнесла я, глядя на побледневшую вдову. — Ему тяжело. Он говорит, что земное богатство больше не тревожит его разум. Цифры криптокошелька навсегда растворились в небытии...

Вдова разочарованно всхлипнула и заломила руки, сверкнув бриллиантами.

— Но сейф! Мадам Элеонора, умоляю, спросите про сейф! — взмолилась она. — Там же документы на дом!

Я перевела вопросительный взгляд на висящего под потолком мужика. Борис мстительно прищурился и потер полупрозрачные руки.

— А вот сейф... О да, скажи ей про сейф, ведьма, — мерзко хихикнул Борис. — Передай этой мымре, что пароль от сейфа — это дата рождения моей секретарши Леночки! Пусть подавится правдой!

Я мысленно поаплодировала этой загробной драме.

— Дух готов открыть последнюю тайну, — я понизила голос до хриплого шепота и наклонилась над хрустальным шаром. — Он говорит... Код от сейфа — это дата рождения... его секретарши Елены.

Вдова замерла. Ее глаза округлились так сильно, что, казалось, сейчас лопнут швы от недавней подтяжки лица.

— Леночки?! — взвизгнула она, мигом растеряв весь свой скорбный вид. — Этой малолетней швабры с ресепшена?! Да я... Да он... Ах ты ж кобель старый!

Борис Эдуардович победно расхохотался, показал жене неприличный жест обеими руками и, довольный произведенным эффектом, растворился в воздухе. Грань с легким щелчком закрылась.

— Контакт прерван, — я устало откинулась на спинку кресла и задула свечу. — Он ушел. С вас пятьдесят тысяч рублей. Перевод по номеру телефона привязан к карте.

Вдова, пыхтя от ярости и оскорбленного достоинства, молча достала телефон, агрессивно наткнула нужную сумму и вылетела из комнаты, даже не попрощавшись.

Я стянула душный парик, отбросила капюшон и с наслаждением помассировала виски. Пятьдесят тысяч за пять минут позора и семейной драмы. Жить можно.

Стянув жаркий балахон и повесив его обратно в шкаф, я пригладила растрепанные волосы и вышла из «Зала Контакта».

В основном помещении Лавки уже горел только дежурный свет. Зоя перевернула табличку на двери надписью «Закрыто» на улицу и сейчас методично протирала витрины тряпкой, пахнущей каким-то еловым спреем.

— Ну как прошло? — спросила она, не оборачиваясь.

— Блестяще, — я с облегчением рухнула на стул за прилавком и потянулась к остывшему ромашковому чаю. — Семейная драма с элементами финансового шантажа. Борис Эдуардович отомстил жене с того света, жена ушла в бешенстве, но свои пятьдесят тысяч я получила. Что у нас там по расписанию дальше?

Зоя отложила тряпку, достала из-под прилавка пухлый ежедневник в кожаном переплете и полистала страницы.

— Так-с... На этой неделе еще две встречи, — она пробежалась наманикюренным пальцем по строчкам. — В четверг вечером какой-то парень хочет поговорить с дедом насчет наследства, а в субботу днем — женщина, ищет пропавшую собаку. Говорит, собака умерла, но дух не уходит, воет по ночам.

Я устало закатила глаза и потеряла переносицу. Деды, собаки, криптокошельки...

— Главное, чтобы эти спиритические страдания не пересеклись с моими ночными сменами в морге, — проворчала я. — Иначе я сама завою по ночам, и никакая ромашка не спасет. Если в четверг мне поставят дежурство, парня с дедом придется переносить.

— Принято, босс, — Зоя захлопнула ежедневник. — Ладно, я закрываю кассу. Тебе домой пора, а то, судя по лицу, ты скоро сама к Геннадию в компанию попросишься.

Упомянутый Геннадий, который всё это время стоял у витрины с аметистами и брезгливо рассматривал «китайские стекляшки», гордо выпрямился, всем своим видом показывая, что в его компанию берут не каждого.

Я хмыкнула, накинула косуху и попрощалась с Зоей. Пора было ехать на Петроградку — спасать глупый пылесос из плена и, если повезет, просто поесть и поспать.

Глава 3

Пробуждение началось с того, что я уткнулась носом в собственную подушку и поняла: никуда бежать не надо. Суббота. Законный выходной.

Рабочая неделя слилась в один сплошной, вязкий поток из формалина, заполнения актов и пафосных спиритических сеансов в душном парике. В среду ночная смена в морге на Обводном прошла на удивление тихо — пара банальных инфарктов да один перепой, даже дядя Миша скучал, полируя и без того блестящие инструменты под русский рок. Следующее дежурство только завтра.

Из гостиной донесся приглушенный вой милицейской сирены, характерная музыка из девяностых и полный праведного гнева голос Геннадия: — Нет, вы поглядите на этого мерзавца! Срежь бела дня! Да в наше время за такое немедленно ссылали на каторгу! Городовых на них нет!

Я с тяжелым вздохом перевернулась на спину и протерла глаза. Всю ночь мой персональный призрак-следователь на пару с домовым Филей смотрели «Улицы разбитых фонарей». Причем, судя по звукам, смотрели запоем.

Скинув одеяло, я поежилась и нашарила босыми ногами тапочки. Хорошо хоть в магазин тащиться не нужно. Филя окончательно освоил планшет и приложения доставки: теперь продукты магическим образом материализуются у порога. Курьеров домовой встречает лично, через динамик системы умного дома, замогильным механическим голосом требуя «оставить подношения у двери и удалиться». Курьеры крестятся, но пакеты оставляют.

Я пошлепала в сторону кухни, на ходу пытаюсь прочесать пальцами спутавшиеся за ночь мелкие кудри. Пальцы предсказуемо застряли. Дернув волосы и тихо ругнувшись, я заглянула в гостиную.

Картина маслом: на диване чинно восседал полупрозрачный Геннадий, закинув ногу на ногу, а рядом на подушке устроился Филя — мохнатый темный комочек, хрустящий чипсами из доставленного вчера пакета. На экране плазмы Дукалис как раз вышибал плечом очередную хлипкую дверь.

— Василиса Михайловна, доброе утро, — Геннадий отвлекся от экрана и брезгливо поджал призрачные губы. — Вы только посмотрите на этот сыск! Никакого изящества. Никакой дедукции! Бегают по подворотням, как дворовые псы.

— Нормально бегают, Геннадий, эффективно, — хрипло отозвалась я, направляясь к кофемашине. — Зато статистика раскрываемости хорошая.

Нажав кнопку на кофеварке, я прислонилась бедром к столешнице, слушая приятное жужжание перемалываемых зерен. Впереди был целый выходной, который нужно было провести с пользой. Правда, во второй половине дня мне все-таки придется тащиться в «Лавку чудес», надевать вуаль мадам Элеоноры и разбираться с воющим призраком чьей-то мертвой собаки.

Но это будет днем. А пока — двойной эспresso и, возможно, пара серий про ментов из девяностых. Исключительно ради того, чтобы послушать, как интеллигентный следователь девятнадцатого века кроет матом бандитов.

Утро пролетело в блаженном ничегонеделании, и к обеду я припарковала свою «Вольво» на Гороховой. Поздоровавшись с Зоей, которая как раз расставляла на витрине свежую партию каких-то жутко воняющих полынью свечей, я поплелась в подсобку.

Перевоплощение в мадам Элеонору — процесс мучительный. Сначала удушливое бархатное платье, затем тяжелый парик, под которым моя собственная кучерявая шевелюра мгновенно начинает чесаться, и, наконец, венец творения — плотная черная вуаль. Дышать в этом великолепии было тяжело, зато клиенты млели от восторга.

Я едва успела занять место за круглым столом с хрустальным шаром, как дверь распахнулась. Клиентка, Зинаида Петровна, влетела в полумрак кабинета, таща на руках увесистого рыжего английского бульдога с подпалинами. Пес, похожий на перекормленного поросенка, тяжело сопел, периодически похрюкивая и горестно вздыхая. Хозяйка прижимала его к груди с такой силой, что у бедолаги оттопырилась брыля, и густая прозрачная слюна капнула прямо на шелковый шарф Зинаиды Петровны. Бульдог меланхолично облизнулся.

Я смотрела на эту сцену сквозь сетку вуали и думала о том, как же хорошо, что я не люблю собак. Моя нервная система, закаленная запахами морга, такого издевательства над здравым смыслом и гигиеной точно бы не выдержала.

— О, мадам, вы представляете! — защебетала женщина, плюхаясь на стул напротив и укладывая свой хрюкающий груз на колени. — Нашелся мой Пусик! Еще позавчера волонтеры позвонили и вернули мне мою прелесть!

Пусик издал звук, средний между стоном и отрыжкой.

Я мысленно потеряла виски под зудящим париком и включила свой фирменный, глубокий грудной голос:

— Безумно рада за вас и... Пусика. Но смею спросить, зачем же вы тогда пришли, если пропажа нашлась?

— Так вы понимаете, вой-то не прекратился! — Зинаида Петровна округлила глаза. — Кто-то за стеной воет и воет каждую ночь! А я точно знаю, что там никто не живет. Квартира пустая! Там моя соседка жила, Ольга Павловна... Померла полгода назад. Может, это она не упокоилась?

Женщина порывисто вытащила из сумочки льняной платок с кривоватой вышивкой.

— Вот! Это она мне подарила, сама вышивала. Может, по вещице можно дух призвать?

Я мысленно взывала громче любой собаки. Доставать душу со дна, из-за Грани, спустя полгода после смерти — это физически тяжело. Это не свеженький покойник в морге, который сам рад поболтать, пока три дня не вышли.

Вздыхнув, я стянула с рук черные кружевные перчатки и коснулась платка. Пальцы обожгло могильным холодом. Я прикрыла глаза, концентрируясь, нащупывая тонкую нить остаточной энергии, и с силой дернула ее на себя, прорывая ткань реальности. Голову тут же сдавило тупой болью.

Воздух в кабинете резко похолодел. Рядом со столом соткалась полупрозрачная фигура благообразной старушки в байковой ночнушке и выцветшем халате.

— Дух здесь, — мрачно возвестила я, утирая проступивший на лбу пот через вуаль.

— Оленька?! — Зинаида Петровна радостно всплеснула руками, едва не уронив бульдога. — Ой, как хорошо! А ты знаешь, Светка-то со второго этажа от мужа ушла! А ЖЭК нам квитанции опять с ошибкой прислал!

Я открыла было рот, чтобы направить сеанс в конструктивное русло, но не тут-то было. Призрак Ольги Павловны оживился:

— Да ты что?! А я говорила, что этот ее Валерка — бабник! Ирод окаанный!

Я смотрела на них сквозь черную сетку вуали, переводя взгляд с одной на другую, как зритель на теннисном турнире. Пинг-понг был идеальным. Зинаида Петровна Ольгу не слышала, но паузы выдерживала мастерски. — А я ей говорю: Светка, гони ты его в шею! — вещала призрачная Ольга Павловна, всплескивая полупрозрачными руками. — Вот-вот! И я о чем! Кобель он, Оленька! — тут же, секунда в секунду, вторила Зинаида Петровна, глядя куда-то сквозь подругу. Если бы я лично не проверяла клиентку на наличие дара, то поклялась бы любимым прабабкиным амулетом, что передо мной сидит медиум-коллега. Но нет — это была просто двадцатилетняя привычка сплетничать на лестничной клетке. — А Пусик-то мой как исхудал у этих волонтеров, ты посмотри, — запричитала Зинаида, поглаживая сопящего пса. — Да он у тебя откормленный, как хряк перед Рождеством, Зина! — фыркнула Ольга. — Ну

да, кость широкая, покушать мы любим... — вздохнула клиентка. Словно подтверждая статус хрюка, бульдог тяжело вздохнул, и густая прозрачная капля слюны с его брыли сочно шлепнулась прямо на сумку Зинаиды. Ольга брезгливо поджала губы. Пусик меланхолично хрюкнул.

Сама не заметив как, я увлеклась. Подперев подбородок рукой, я сидела и мысленно соглашалась с покойной Ольгой, что председатель ТСЖ — жулик, и брала на заметку, где на Кузнечном рынке сейчас лучшая говядина. Но спустя двадцать минут увлекательного погружения в жизнь чужого подъезда, я почувствовала, как по спине пополз предательский холодок, а кончики пальцев закололо. Резерв был большим, но не бесконечным. Пора завязывать. — Дамы... — попыталась я вклиниться в диалог глубоким голосом мадам Элеоноры. Зинаида Петровна лишь отмахнулась от меня свободной рукой: — Подождите, мадам, мы про квитанции не договорили! Я подождала еще минуту. Снова открыла рот. Меня снова проигнорировали. Терпение лопнуло. Я с силой хлопнула ладонью по столешнице.

— ТАК! — рывкнула я своим обычным, совсем не томным голосом. Звук вышел резким, как выстрел. Ольга Павловна поперхнулась словом и резко повернулась на стук. Зинаида Петровна подпрыгнула на стуле, едва не выронив сумку. Пусик дернул головой и со звонким щелчком закрыл пасть. В кабинете повисла идеальная тишина. Я тяжело вздохнула, потирая ноющую переносицу сквозь вуаль: — Что там с воем в квартире?

Ольга Павловна моргнула полупрозрачными веками:

— А... так это трубы периодически гудят. Там прокладку в стояке прорвало еще при мне. Я ж жаловалась! Этим дармоедам из ЖЭКа, сантехникам этим криворуким! А еще власть не чешется, магнитные бури покоя не дают, и соседка, дура из третьего подъезда, молоко на ступеньках пролила...

Не дожидаясь, пока она перейдет к обсуждению геополитики, я с силой захлопнула Грань. Фигура в халате растаяла в воздухе. Я откинулась на спинку стула, чувствуя себя так, словно разгрузила вагон с углем.

— Трубы у вас гудят. Вызывайте сантехника в соседнюю квартиру, — устало констатировала я, натягивая перчатки. — С вас сто тысяч. За извлечение души из-за Грани — двойной тариф.

Зинаида Петровна ничуть не расстроилась. Она бодро достала пухлый кошелек, отсчитала купюры и, подтянув своего слюнтявого поросенка повыше на грудь, выпорхнула к двери.

— Ой, спасибо вам огромное, мадам Элеонора! Прямо камень с души! Запишите меня на следующий месяц на еще один сеанс связи, мы с Оленькой так чудесно пообщались!

В подсобке я с наслаждением стянула с себя душный бархат и сорвала парик. Кожа головы наконец-то вздохнула с облегчением. Я расчесала пальцами влажные от пота кудри, закрутила их в небрежный узел и переоделась в свои привычные джинсы и черную водолазку. В висках еще пульсировала тупая боль от пробития Грани, но я чувствовала, как стихии медленно, по капле, восстанавливают резерв. Земля под ногами давала знакомую опору, вытягивая усталость. Часа через два буду в норме.

Выйдя в зал, я застала Зою, которая деловито расфасовывала по стеклянным банкам сушеную полынь. — Как прошел сеанс? — хмыкнула она, не отрываясь от работы. — Судя по тому, что псиной тянет даже через закрытую дверь, Зинаида Петровна приносила своего пса? — Ага. И ее мертвая подруга, кажется, знает расписание ЖЭКа лучше меня, — я усмехнулась, забираясь на высокий стул за прилавком. — Иди домой, Зой. Суббота все-таки. Я сама тут посижу до закрытия. Травница окинула меня цепким, профессиональным взглядом. — Выглядишь так, будто вагон угля разгрузила. Налить тебе восстанавливающей настойки? — Сама справлюсь. Беги уже, у тебя вроде планы были. Зоя спорить не стала. Быстро скинула рабочий фартук, подхватила рюкзак и умчалась, звеня колокольчиком на двери.

Оставшись одна, я вытащила из-под прилавка деревянные заготовки, резец и моток кожного шнура. Работа руками отлично заземляла. Я методично вырезала защитные руны на глад-

ких кругляшах ясеня, сдувая древесную стружку. Никакой магии, пока только физическая подготовка — силу в этот ширпотреб я волею потом, когда полностью восстановлюсь.

За пару часов в лавку заглянули только две стайки хихикающих туристок. Они купили несколько кривых ловцов снов и пару кулонов с «магическим» розовым кварцем, оставив после себя стойкий запах сладких духов.

Ближе к шести, когда за окном уже начали сгущаться питерские сумерки, колокольчик звякнул снова. В лавку вплыли двое. Упыри. Вообще, клиент есть клиент, и с кровососами у нас давно сложились вполне приятельские отношения. Ругаться со мной в этом городе дураков не было. Я — единственный толковый медиум в Питере. А у нежити, знаете ли, тоже периодически возникают вопросы к жмурикам. То убиенный пароль от криптокошелька сказать не успел, то старые долги с призрака страсти надо. К тому же, причинять вред мне было себе дороже: Ядвига, глава ковена, в котором я состояла как единственная представительница своего рода, за меня любого упыря сожрет и даже не подавится. Так что уважали меня клыкастые искренне и с гарантией.

Я окинула взглядом парочку, не отрываясь от нанизывания деревяшки на шнур. Типичные жертвы кинематографа нулевых. Оба бледные до синевы, с идеальными укладками, в стильных черных пальто и с такими острыми скулами, что ими можно было вскрывать грудину вместо циркулярной пилы.

Один из них, с гелевой челкой, падающей на глаза, подошел к прилавку и облокотился на стекло. — Добрый вечер, Василиса, — бархатно промурлыкал он, сверкнув идеальной белой улыбкой. — Все трудишься? Такая красивая девушка не должна проводить субботний вечер в пыльной лавке. Поехали с нами в клуб? У нас сегодня закрытая вечеринка. Отличная музыка, свежие... напитки. — Откажусь, Влад, — я смахнула стружку со стола в мусорное ведро. — У меня после смены в морге и так лимит на бледных мужчин исчерпан. К тому же, мои клиенты хотя бы не пытаются меня спить.

Второй упырь, стоявший у стеллажа с амулетами, тихо рассмеялся. — Я же говорил, она откажется, — подал голос он. — С тебя косарь, Влад. Влад наигранно вздохнул, приложив руку к груди: — Ты разбиваешь мое холодное небьющееся сердце. Никакой романтики. — За романтикой — это на Петроградку, к студенткам. А вы ко мне за зельями пришли, — я выдвинула нижний ящик, достала плотный бумажный пакет с настойками, которые варила Зоя специально для тех, кому нужно было имитировать румянец и сердцебиение. — С вас пятнадцать тысяч.

Влад отсчитал наличные, не переставая улыбаться. — Кстати, Вась, — он забрал пакет и немного посерьезнел. — Нам на следующей неделе, возможно, понадобится твоя помощь. Один наш общий знакомый... скорострительно скончался, а где зарыл общак — сказать забыл. Организуешь встречу? — Если уложите в первые три дня, пока он за Грань не ушел — сделаю по стандартному прайсу, — деловито отозвалась я. — Если опоздаете, готовы тройной тариф и его личную вещь. Доставать душу со дна я за копейки не буду. — Обижаешь. Деньги не проблема, — подмигнул он. — Мы тогда на днях заглянем. И если передумаешь насчет клуба — ты знаешь, где нас найти. — Обязательно, — буркнула я, провожая их взглядом.

Дверь за упырями закрылась. Я глянула на часы — ровно шесть. Пора закругляться. Я потянулась к табличке «Открыто», чтобы перевернуть ее, как вдруг в кармане джинсов завибрировал телефон.

На экране высветилось: «Папа».

Я зажала телефон между ухом и плечом, чтобы освободить руки, и смахнула зеленую кнопку ответа, одновременно запирая кассу.

— Привет, пап.

— Привет, Васюта. Не отвлекаю? Трупы не разбегаются? — раздался в трубке бодрый, теплый голос отца.

Я усмехнулась, забрасывая ключи в сумку. Папа был самым обычным человеком, архитектором, свято уверенным, что его единственная дочь — просто судмедэксперт с немного специфическим хобби в виде сувенирной лавки. Моя мать, Марина, умерла при родах, и до двенадцати лет отец растил меня один. А потом проснулся мой дар медиума. Прабабка Марфа, царство ей небесное, забрала меня к себе, виртуозно внушив отцу, что так будет лучше для моего «эмоционального фона», и наложив на него легкий морок. С тех пор папа живет в блаженном неведении.

Сейчас ему было под пятьдесят, но выглядел он максимум на сорок. Исключительно благодаря травяным сборам и зельям, которые я регулярно подкидывала ему под видом «элитных витаминных чаев». Единственный родной человек, как-никак. За ним нужен глаз да глаз, особенно с тех пор, как он решил жениться во второй раз.

Его новая супруга, Валентина, была на пятнадцать лет его моложе. Дизайнер интерьеров, идеальная партия для архитектора — у них даже профессиональные шутки совпадали. Женщина она была неплохая, но со мной держалась настороженно. А еще меня изрядно напрягало, что своего десятилетнего сына от первого брака, Сашку, она почти сразу после свадьбы сплавила в кадетскую школу на полный пансион. Папе мальчишка нравился, воспитанный и тихий, но Валя настояла на «мужском воспитании». Как по мне — классическая кукушка: нашла мужика и расчистила гнездо от лишних птенцов. Впрочем, может, Сашке маршировать на плацу и правда нравилось больше, чем слушать маминны лекции о цветовых палитрах.

— Лежат смирно, ждут вскрытия, — хмыкнула я, стягивая с вешалки косуху. — Как ваши дела?

— Да потихоньку. Валя вот новый проект взяла, я над чертежами сижу. Ты когда в гости-то заедешь? С Нового года не виделись, а на дворе уже март, между прочим.

Я со вздохом перекинула ремешок сумки через плечо и щелкнула выключателем. Подсобка погрузилась в темноту.

— Пап, ну ты же в курсе. Работа. Дежурства, лавка... времени вообще нет.

— И почему ты до сих пор держишь эту барахолку? — привычно заворчал отец. — Я понимаю, в студенчестве баловалась, но сейчас-то? Ты врач, серьезный специалист. Зачем тебе эта сувенирная головная боль?

Я вышла в торговый зал, проверила, хорошо ли закрыты витрины. — Она приносит стабильный доход, пап. Ты ведь знаешь, содержать пятикомнатную квартиру в старом фонде на Петроградке — удовольствие не из дешевых. Коммуналка жрет как не в себя.

— А я тебе говорил, — тут же пошел в наступление отец, седлая своего любимого конька. — Продай ты ее! Купи аккуратную двушку в хорошем районе. Остаток денег положи на вклад под проценты, пусть они сами зарабатывают. А мы бы с Валею тебе такой дизайн-проект сделали — конфетка бы вышла! И убираться меньше.

Я молча улыбнулась в темноту лавки. Продать родовое гнездо с алтарем Макоши, запертой комнатой, набитой гримуарами, дневниками, и вредным домовым в придачу? Представляю лицо покупателей, когда Филя выйдет требовать у них подношения.

— Пап, ты что, это же наследство, — решительно отмахнулась я, толкая плечом тяжелую входную дверь и выходя на промозглую улицу. Ветер тут же забрался под косуху, напоминая, что петербургский март — это тот же ноябрь, только с другой стороны календаря. — Да если я квартиру или лавку продам, бабка Марфа с того света вернется и меня лично задушит. Причем голыми руками.

В трубке раздался искренний раскатистый смех отца. — Это да, суровая была старушка! До сих пор удивляюсь, как она с таким-то железным характером до девяноста лет дожила. Гвозди бы из нее делать.

Я тактично промолчала, переключая телефон в другую руку, чтобы достать из сумки связку ключей. Отцу совершенно незачем было знать, что «девяностолетней» Марфе на

момент смерти было под триста, и приходилась она мне, скорее всего, пра-пра-пра-какой-то там бабкой. И да, с того света она действительно периодически возвращалась — в моих снах, чтобы отчитать за неправильно заваренную полынь или похвалить за хорошую работу.

— Вот-вот, — хмыкнула я, вставляя ключ в замочную скважину. — Так что рисковать я не буду. Ладно, пап, давай так: как только на работе рассосется завал, я обязательно заскочу. Или давай на следующей неделе пересечемся на нейтральной территории? Пообедаем где-нибудь в центре, заодно и с Валею повидаемся.

— Договорились, Васюта. Ловлю на слове. Береги себя там на своей... работе.

— Обязательно. Пока, пап.

Я сбросила вызов, дважды повернула ключ в замке и дернула ручку, проверяя, надежно ли заперта дверь «Лавки чудес». Защитные контуры на стекле слабо блеснули в свете уличного фонаря и погасли, сливаясь с обычными пыльными разводами.

Ежась от сырого ветра, я быстрым шагом дошла до припаркованной на углу «Вольво». Упала на прохладное кожаное сиденье, завела мотор и, дождавшись, пока печка начнет гнать теплый воздух, влилась в плотный вечерний поток машин. Впереди ждала Петроградка, остатки выходного и, если Филя не доел все запасы под сериалы, нормальный ужин.

Уже подъезжая к Петроградке и лавируя в вечернем потоке машин, я услышала, как телефон снова ожил. На экране автомобильной мультимедийки высветилось: «Никита».

Мой, так сказать, парень. А если называть вещи своими именами — постоянный любовник. Никакой ванили, клятв при луне и розовых соплей в наших отношениях не водилось. Никита был обходительным, чертовски симпатичным и заботливым в своей особой, прагматичной манере. Машинально я коснулась мочки уха, где висела аккуратная серьга. Эксклюзивный дизайн и мощнейшая, ювелирно сплетенная защита от проклятий — его рук дело. Не то чтобы мне стоило сильно бояться чужих порч, но жест был милым и, главное, полезным в быту. Ну и, что греха таить, любовником Ник был просто отличным.

Он владел собственной мастерской: корпел над эскизами, создавал уникальные вещи и продавал свой очень дорогой бренд состоятельным клиентам. А для души и магической практики держал ломбард, где с удовольствием скупал старое золото. Распутывать с фамильных драгоценностей чужие проклятья было его специализацией.

Мы были вместе уже год. Ник принадлежал к старинному и весьма влиятельному питерскому роду Черновых — эдакие «old money» магического мира. Из-за этого имелся один нюанс: его маменька меня на дух не переносила. Мой аппетитный метр шестьдесят, вечно спутанная копна мелких кудрей, любовь к джинсам, косухам и тяжелым ботинкам наносили непоправимый удар по ее утонченному эстетическому вкусу при каждой случайной встрече. Впрочем, на мнение мадам Черновой мне было глубоко и искренне плевать, детей нам с ней не крестить.

Я притормозила на светофоре, поудобнее перехватила руль и нажала кнопку ответа.

Динамики в салоне машины тихо щелкнули, и салон заполнил приятный, бархатистый голос Никиты, в котором скользила легкая улыбка: — Добрый вечер. Надеюсь, я не отвлекаю тебя от спасения города от криминала или очередного спиритического сеанса?

— Уже отстрелялась по всем фронтам, еду домой, — я включила поворотник, перестраиваясь в правый ряд. — Ты там как? Скупил весь калининградский янтарь?

Никита уехал пару недель назад на крупную ювелирную выставку. Искал редкие камни под заказ и присматривал материалы для новой коллекции.

— Почти. Нашел отличную партию турмалина и пару весьма недурных сапфиров, — в его голосе слышалось удовлетворение от удачной сделки. — Погода здесь, кстати, на удивление приличная. Балтика радуется. А как наше любимое болото?

— Болото стабильно сырое и ветренное, — я притормозила, пропуская пешехода, закутанного в шарф по самые глаза. — Когда возвращаешься?

— Во вторник вечером буду в Питере. Как у тебя на следующей неделе с ночными сменами? Планирую нагло похитить тебя к себе. Соскучился.

Я поймала себя на том, что искренне улыбаюсь своему отражению в лобовом стекле. Две недели без его визитов и правда тянулись долговато.

— В среду в ночь, — прикинула я в уме график. — Так что вечер вторника полностью в твоём распоряжении. Тоже соскучилась. По нормальному массажу и адекватному общению уж точно.

Никита негромко рассмеялся: — Звучит как вызов. Как вообще прошла суббота?

Я свернула в свой двор, уворачиваясь от глубокой лужи, в которой плавал одинокий пивной стаканчик. — Заработала сто тысяч на человеческой глупости. Вытягивала с того света душу полгода как почившей бабки, потому что ее соседке казалось, что она воет в пустой квартире. В итоге я чуть не надорвалась, пробивая Грань, а мертвая соседка полчаса жаловалась мне на магнитные бури, управляющую компанию и гудящие трубы. А, и еще в кабинете очень старательно пускал слюни толстый бульдог.

— Очаровательно, — протянул Ник с легкой иронией. — Надеюсь, ты хотя бы вымыла руки после этого бульдога. Приедешь домой — завари себе нормального чая. И ради бога, не пей на ночь тот жженный нефтяной суррогат, который ты называешь кофе.

— Не обещаю, но подумую, — я зарулила на свое парковочное место у парадной и заглушила двигатель. — Ладно, ювелир, иди отдыхай. Жду во вторник.

— До вторника, душа моя, — с теплой усмешкой отозвался он, и звонок завершился.

В машине повисла тишина, прерываемая только мерным шумом остывающего мотора. Я вытащила ключ из замка зажигания, подхватила сумку с соседнего сиденья и выбралась в промозглый петербургский вечер. Пора было идти кормить домового и проверять, не довели ли они с Геннадием телевизор до короткого замыкания своими ментовскими сериалами.

В квартире на удивление было тихо. Телевизор не работал, а призранный следователь Геннадий нигде не обнаружился — видимо, ушел патрулировать парадную или отправился наводить ужас на закладчиков во дворе. Зато в гостиной нашелся Филя. Мохнатый хранитель очага сидел верхом на припаркованном на базе роботе-пылесосе и сосредоточенно клацал когтем по экрану своего мобильного.

Я скинула ботинки и, шлепая в носках по паркету, направилась прямиком на кухню. В животе предательски заурчало. К чести моего домового, свои прямые обязанности он выполнял исправно. В холодильнике меня ждала заботливо затянутая пищевой пленкой тарелка с воздушным пюре и щедрой порцией великолепного говяжьего гуляша.

Я засунула ужин в микроволновку, нажала кнопку старта и прислонилась к столешнице. Ровно в этот момент на пороге кухни нарисовался Филя. Он ловко спрятал телефон за спину и посмотрел на меня огромными, кристально невинными глазами.

Я мысленно застонала. Этот взгляд я знала слишком хорошо. Мой банковский счет сейчас понесет потери. Молча открыв дверцу холодильника, я достала банку сгущенки — тяжелую артиллерию — и щедро налила тягучую сладкую массу в блюдо с золотой каемочкой. Поставила его прямо на кухонный стол и сама с тяжелым вздохом опустилась на стул рядом.

Филя тут же материализовался на соседнем табурете. — Спасибо, хозяйushка, — умильно пропел он, аккуратно зачерпывая чайной ложкой сгущенку. А потом тяжело, со значением вздохнул и начал смущенно водить когтем по скатерти. — Тут, видишь ли, такое дело, ммм...

Я закатила глаза. Ну всё. Сейчас начнется презентация нового инвестиционного проекта в инфраструктуру нашей квартиры. — Выкладывай, — разрешила я, забирая из пискнувшей микроволновки горячую тарелку. Пахло так одуряюще вкусно, что я была готова простить ему почти любые траты.

— На улице, хозяйushка, весна в разгаре! — Филя мечтательно закатил глаза. — Солнышко светит, птички поют...

Я скептически покосилась на кухонное окно. За стеклом висела типичная питерская хмарь: было темно, сыро и холодно. В желтом свете уличного фонаря косо летел то ли мелкий дождь, то ли густой туман, и ни о каком солнце даже речи не шло. Ничуть не смутившись суровой реальностью, домовый вытащил из-за спины свой гаджет, ловко разблокировал экран и торжественно положил его на стол прямо передо мной. — В общем, нам пора подумать о мытье окон!

На ярком экране маркетплейса, переливаясь всеми гранями пластика, красовался умный робот-мойщик окон последней модели. С функцией распыления воды, управлением со смартфона и ценником, от которого моя внутренняя жаба неодобрительно квакнула.

Я перевела взгляд с экрана на наши огромные, высокие окна старого фонда. А потом вспомнила, что в пятикомнатной квартире таких окон еще с дюжину, не считая застекленного балкона. Лезть туда самой с тряпкой не хотелось от слова «совсем», а вызывать клининг означало прятать от них алтарь, гримуары и самого Филю.

Мохнатый манипулятор, заметив мои сомнения, немедленно включил режим «Кот из Шрека». Глаза его заблестели, уши жалобно опустились. Я смотрела на это чудо и думала о вселенской несправедливости. Почему нормальным ведьмам достаются нормальные коты? Кошки любых мастей и пород, которые сами приходят к порогу, едва у хозяйки просыпается Сила. Спят себе на батареях, едят корм, тихо мурчат. Но у нашего рода всегда были свои правила. Дар медиума подразумевает вечное балансирование на Грани, одной ногой в мире мертвых. Ни один живой кошачий фамилляр такого соседства просто не выдержит — развеется. Поэтому вместо кота мне по наследству досталось это мохнатое недоразумение, помешанное на технике. Еще немного, и он увлечется программированием, начнет писать код по ночам и требовать второй монитор... Я аж вздрогнула от живости представленной картины и незаметно поплевала через левое плечо. Не дайте боги.

— Ммм... хозяйшкa? — тихонько шмыгнул носом Филя. — Сильно дорого, да? Обойдемся, да? Я сам с газеткой по карнизам поползаю...

Я с тяжелым вздохом отложила вилку, дотянулась до его телефона и решительно ткнула пальцем в желтую кнопку «Купить». — С доставкой на дом оформляй, ползун, — хмыкнула я.

Филя радостно пискнул, мгновенно забыв про образ сиротки, сгреб телефон со стола и на околосветовой скорости помчался к дивану в гостиную — оформлять заказ, пока я не передумала. А я наконец-то взялась за гуляш, решив, что чистые окна без моего участия — это все-таки отличная современная магия. Мда, бабуля бы нас со свету сжила за технику в ее квартире, ремонт она мне до сих пор припоминает. Я аж плечами передернула и оглянулась по сторонам и еще раз поплевала через плечо и по столу постучала, для надежности.

Остаток субботнего вечера был торжественно посвящен исключительно себе любимой. После полноценного пробития Грани и общения с мертвыми обычного душа недостаточно — тут требовалась тяжелая артиллерия. Я набрала полную ванну горячей воды, щедро сыпанула туда морской соли и добавила специальный травяной сбор Зои. Это был не просто релакс, а суровая техника магической безопасности: соль отлично вытягивала остатки некротической энергии, а травы смывали въевшийся в кожу могильный холод.

Вымокнув до состояния блаженной кровати, я приступила ко второй, самой сложной части марлезонского балета — уходу за волосами. Моя непокорная копна мелких кудрей и в обычные-то дни жила своей отдельной, бунтарской жизнью, а после удушливого парика мадам Элеоноры превратилась в непробиваемый войлок. В ванной я провела около двух часов. Сначала в ход пошла новая, жутко дорогая маска для смягчения. Намазать, выждать, смыть. Затем — вторая маска, просто для того, чтобы иметь физическую возможность продрать эту солому расческой, не оставив на ней половину скальпа. И финальным аккордом — специальное масло на кончики.

Когда я наконец-то выползла из ванной, благоухая луговыми травами и кокосовым маслом, сил у меня осталось ровно на то, чтобы доползти до кровати. В спальне было темно и тихо. Я упала на свежие простыни в начале двенадцатого, чувствуя, как гудят уставшие за день мышцы. Закрывая глаза, я успела лишь порадоваться, что завтра можно законно спать до обеда — дежурство в судебке начиналось только во второй половине дня, и провалилась в глубокий сон без сновидений и призраков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.